

Карабахские этюды

нул и тихо сказал: «Ни на минуту не могу забыть, что сына нет в живых. А недавно пришла мысль, которая, с одной стороны, обожгла душу, с другой — я подумал, что она явилась прямо от моего Арцвина. Я даже записал её:

«Вот мы живём без нашего мальчишка. Страдаем, плачем, но живём. И без погибшего брата живём. А вот без родины — не можем. И я думаю, души наши обретут покой только тогда, когда мы освободим Шаумяновск».

Арцвин погиб в Лачине, где в то время шли тяжёлые бои. Было понятно, что стоит оборвать кислородный провод, и задохнётся весь Арцах. Поэтому так много сил и средств бросили на Лачин. Арцвин погиб в один из самых страшных дней войны — 22 августа 1992 года.

Именно в тот день с большой группой гостей мы ехали из Арцаха в Ереван через Лачинский перевал. Так совпало, что команда леди Кокс — посланцы разных стран Европы — и Вардгес Наджарян из США находились в Арцахе в одно и то же время. Сроки поджимали. Всем им нужно было успеть на парижский рейс, который выполняется раз в неделю. А тут, как назло, нет погоды. Поехали на машинах. В Лачине нас остановили бойцы самообороны. Предупредили, что ехать дальше опасно, ибо дорога находится под особым прицелом, особенно на участках лачинского и забухского мостов.

Вардгес Наджарян был с женой Мери, я взял в дорогу свою жену. Так я поступаю часто. Когда возишь «чужих» людей по фронтовым дорогам и подвергаешь их опасности, надо, конечно, вести себя соответственно. В тот день на том же месте, где бойцы остановили наши машины, погибли от ракеты «Град» пять человек. Это случилось через десять минут после того, как мы решили-таки продолжить наш маршрут (иначе не успели бы к парижскому рейсу). Узнав о трагедии, моя жена произнесла вслух то, о чём подумали, наверное, все: «Это могло бы случиться и с нами».

Ну что же, действительно, кто сегодня чаще находится в дороге, тот чаще подвергается риску. Но тогда я ответил жене какой-то весёлой шуткой.

* * *

Каждый раз по дороге в Шуши, приближаясь к танку Т-72 с бортовым номером 422, вспоминаю восьмое мая 1992 года. Тогда на командном пункте я смотрел в перископ, и, возможно, был единственным свидетелем, которому довелось видеть, как погибал этот танк, ставший сегодня объектом паломничества.

Проходя мимо него, разъеденного ржавчиной, с оторванной башней, выброшенной на другую сторону трассы, люди останавливаются, кладут цветы на гусеницы и молча идут дальше.

Сегодня по инициативе мэрии Шуши руководством НКР решено поднять танк на вершину возвышающейся рядом скалы как живую память о героях, освободивших Шуши. И вот теперь, думаю, просто необходимо рассказать об экипаже легендарного танка, назвать имена погибших:

Гагик Авшарян — командир, Ашот Аванесян — механик-водитель, Шаген Саркисян — стрелок-артиллерист.

Восьмого мая в полдень, с грохотом преодолевая поворот за поворотом, крутые и пологие перевалы, наш танк медленно приближался к Шуши. В моих ушах стоял звонкий голос начальника связи Артура Папазяна, который, называя позывные, передавал в радиоэфир команды Аркадия Тер-Тадевосяна. Неожиданно со стороны Шуши появился вражеский танк. На большой скорости он шёл навстречу Гагику (во время боя мы называли танк по имени командира). Казалось, сердце выскочит у меня из груди от волнения и напряжения. С одной стороны, была уверенность в Гагике — мы получили информацию: по трассе экипаж четыреста двадцать второго подбил уже два танка противника, с другой — я видел в телескоп, как прицельно бьют по нему вражеская артиллерия и танк.

Пройдя последний поворот и оказавшись на ровном участке дороги, откуда, как я узнал потом, была отлично видна панорама боя, танк Гагика остановился посреди трассы, словно получив мощный удар в грудь.

Кабина наполнилась едким дымом. Командир попробовал было открыть люк, но мощное давление выбросило его из танка. А вслед за ним — и Ашота. Придя в себя, примерно через минуту они оба поползли к танку, на помощь к Шагену. А тем временем вражеский танк приближался к армянскому подранку. Ближе и ближе. С командного пункта всё было хорошо видно. Мы яростно кричали, словно нас мог кто-то слышать. Знаю, что механик-водитель успел сказать командиру: «Мы влезем в танк, я постараюсь сорваться с места и на большой скорости протаранить и столкнуть их танк в ущелье». Командир одобрил решение Ашота.

Приближавшийся танк буквально с тридцати-тридцати пяти метров выстрелил в упор. Огромную многотонную башню со стволом отбросило влево на обочину трассы. Гагика и Ашота выбросило теперь уже в противоположную сторону — на скалистый склон горы. Из обезглавленного танка, похожего

на огнедышащего дракона, в небо поднялся огромный язык красного пламени. (В этот миг кто-то на командном пункте громко закричал: «Мартин погиб». Я записал это имя. Лишь потом выяснилось, что произошла ошибка.)

Гагика удалось спасти. Погибли Ашот Аванесян и Шаген Саркисян. Пусть их имена останутся в истории. Пусть знают современники наши, что растёт у Ашота сынишка Ованнес, Овик, которого воспитывает вдова Ашота Стелла, сохраняя в родном очаге дух героя. А в доме Шагена Саркисяна его жена Римма растит трёх сыновей — Джона, Гайка и Артака. Я верю, что Шаген бессмертен не только потому, что сам выбрал героическую кончину, но и потому, что очень похожий на своего отца юноша Джон Саркисян уже служит танкистом в батальоне аскеранского полка, где прошёл боевое крещение отец.

В первом номере газеты «Шуши» (тоже ведь аргумент возрождения бывшей столицы Арцаха) журналистка Вардитер Акопян приводит слова из дневника Шагена. Он написал их за несколько месяцев до своей гибели, накануне освобождения Кркжана: «Если понадобится, жизнь отдам за родину. И никакая сила не остановит меня на выбранном нами пути. Да простят меня те, кому смерть моя принесёт хоть немного печали. Не обречён на рабство лишь тот народ, который добивается свободы и телом, и душой, и мыслью».

* * *

В своё время доктор Назым откровенно признался: «Полное уничтожение армян не прибавит нам авторитета в глазах мировой общественности, лет пять нас будут клеймить позором. Не будут подавать руки». Однако Назым успокаивал аудиторию тем, что у этой самой мировой общественности короткая память. Мол, пройдёт немного времени, и с нами опять будут дружить, с почтением пожимать руки. Не беда и то, что геноцид армян будет сопряжён с внушительными денежными потерями для Турции. Так думал не только Назым, но и другие — Талаат, Энвер, Джамаль.

* * *

В книге Жореса Ананяна и Варгана Хачатуряна «Армянские общины России» рассказывается о нескольких волнах армянских переселенцев в Россию, начиная с X века. Конечно же, каждая волна — ещё одна национальная трагедия. Очередное нашествие варваров вынуждало армян в поисках крова пересе-